

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

С.А. Павленко

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ ПАЛИТРЫ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменения ценностной палитры общества Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков. Затрагиваются вопросы прерывания ценностной преемственности поколений как положившей начало изменениям причины, места ценностей в изучении истории, основных влияющих факторов и диагностирования ценностей.

Ключевые слова: философия, история, ценности, изменение, диагностика, преемственность, прерывание, Восточная Сибирь, XIX–XX века, поколения.

Введение

События переходных эпох всегда были характерны сменой ценностных ориентиров и имели решающее значение не только в экономическом, но и общественном развитии страны. Не исключение и события в России второй половины XIX — начала XX вв.: отмена крепостного права, начало промышленного переворота, усиление общественного движения, революции и гражданская война. Все они напрямую связаны с существенными общественными трансформациями, где большую роль сыграло прерывание ценностной преемственности. Это обстоятельство нашло отражение в ключевых социокультурных характеристиках данного периода, одной из которых, на наш взгляд, стал ценностный конфликт поколений. Достаточно хорошо он прослеживается на примере русского нигилизма 1860–1880-х годов. Прерывание преемственности положило начало серьезным изменениям в ценностных ориентациях, повлекших за собой тяжелые последствия для всей страны.

Перед тем как приступить к рассмотрению процесса изменений, необходимо определить по-

нятийные рамки и место, которое занимают ценности в ходе исторического исследования.

Понятие ценностей и их место в изучении истории

Изучение ценностей в настоящее время имеет междисциплинарный характер и в современной научной литературе существует множество различных вариантов толкования этого понятия, применимых для определенных отраслей знания. Одни говорят, что ценности — это то, что реально существует; другие утверждают, что это цель, к которой необходимо стремиться и т.д. Так, например, Л.Б. Эрштейн рассматривает ценности как запреты различной силы, указывающие организму, какое действие он может, а какое не может реализовать в процессе своего существования¹. В то же время Л.В. Баева полагает, что ценности — это проект бу-

¹ Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ
(проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»)

дущего в настоящем², а А.А. Ивин считает их должным, нормой, планом, проектом, которым должна стать действительность³. Суть всех определений сводится к тому, что под ценностью понимается предмет стремления, желания, интереса, имеющий большую значимость для человека или группы.

Итак, все авторы едины в том, что ценности есть предмет желаний и устремлений человека, имеющий большую значимость для него. Словарные определения так же сходятся к определению ценности как значимости. Так, толковый словарь русского языка определяет ценности как важность или значение чего-либо, философский энциклопедический словарь — как значение определенных явлений действительности, а культурологический — как представление о том, что свято для человека в целом. Различия в интерпретации этого понятия современными авторами состоят в разных подходах к определению, точках зрения и акцентах, которые они выделяют. Отметим наиболее интересные с точки зрения механизмов преемственности ценностей подходы.

В определении ценности Л.Б. Эрштейн исходит из ее значимости для человека, усиленной запретом. Согласно такому положению, ценностью может быть любой предмет, а его место в структуре ценностей будет определяться важностью реализации ценности (или степень последствий от нереализации ценности). Следовательно, весь окружающий мир, все предметы, с которыми сталкивается человек, укладываются в структуру его ценностного мира. Здесь необходимо отметить, что некоторые вещи выходят за рамки классификации. Так, ценности дыхания, сна и выделения автор фактически признает своего рода абсолютными ценностями, поскольку без их реализации человек не сможет жить. Такое утверждение представляется не вполне корректным. Во-первых, дыхание, сон и выделение являются условием существования, поэтому являются не ценностями, а потребностями (хотя в рамках такого подхода потребности так же могут выступать в роли ценностей). Во-вторых, известны примеры, когда человек приносил свою жизнь в жертву более значимых ценностей, отказываясь, в том числе и от дыхания и т.д. Таким образом, дыхание, сон и выделение нельзя признать ценностями по умолчанию, если только человек сам их таким образом не позиционирует, в противном

случае за ними остается роль потребностей. Из этого следует, что в структуру ценностного мира человека входят не все предметы окружающего мира. В целом понимание ценности как значимости, усиленной запретом, определяет не предмет, а их сущность — самым важным и ценным будет то, от чего нельзя отказаться и в пользу чего можно отказаться от всего остального.

А.А. Ивин рассматривает понятие ценностей в паре с понятием истины. При этом как первое, так и второе понимается как отношение между действительностью и мыслью, а не как свойство предмета. Так, истина есть соответствие мысли той действительности, которую эта мысль описывает. Утверждение может быть «истинно», если действительность описана так, как есть на самом деле, и «ложно», если наоборот. Ценность же в свою очередь есть соответствие действительности той мысли, которая эту действительность оценивает. То, что есть сейчас (действительность), может «хорошо», «плохо» и так далее соответствовать тому, что должно быть (мысль). Таким образом, ценности выступают в роли должного, нормы, которой необходимо соответствовать. Поэтому ценности являются активным отношением и могут определять (и определяют) деятельность и ее направление. Такой подход к трактовке ценностей представляется не достаточно полным, поскольку вне поля зрения остаются достигнутые ценности и ценности, которые представлены не как цели и нормы, а как существующие предметы, потеря которых не желательна. Конечно, в таком случае можно рассматривать должное и норму в качестве цели на сохранение объекта ценностного отношения. В этом случае определение ценности как отношения между мыслью и действительностью у А.А. Ивина пересекается с определением ценности как свойства предмета у Л.Б. Эрштейна. Понимание ценностей как нормы, должного и цели определяет их предмет — деятельность по изменению действительности направлена на достижение предмета ценностей.

Л.В. Баева определяет ценности как ориентир жизнедеятельности и развития, которые указывают определенное направление процесса изменения, выступая тем самым своеобразным проектом будущего в настоящем. Ценности указывают не на природу источников изменения, а на его направление. За ними признается роль качественно усиливающей и концентрирующей силы, которая объединяет и направляет потенциально разнородные феномены. Таким образом, ценности выступают в

² Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 256 с.

³ Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.

качестве причины проявления таких разнородных сил вместе, а, следовательно, в качестве причины жизнедеятельности. Причиной же возникновения самих ценностей выступают ценности предыдущего поколения, образуя, таким образом, последовательную связь между поколениями. Неясным остается вопрос о достигнутых и существующих в действительности ценностях. Очевидно, что как в случае подхода к ценностям как к должному и норме, следует рассматривать их как ориентир на сохранение объекта ценностного отношения. По нашему мнению, такой подход определяет скорее функцию, чем понятие — если понимать ценности как цель (см. подход А.А. Ивина), направление изменения действительности будет сориентировано в сторону этой цели.

Подводя итог, можно сказать, что различия в интерпретации ценностей разными авторами не противоречат, а дополняют друг друга. Объединив разные определения, мы предлагаем следующее представление о понятии ценностей. Ценности — это явления действительности, имеющие большую значимость для человека. Они представляют собой явления, от которых человек не желает отказываться в силу их важности: чем больше значимость явления, тем более оно ценно. Ценности выступают в роли нормы, должного и цели изменения действительности. В систему ценностей не входят все явления окружающей действительности, однако любое явление может стать элементом системы. Ценности являются причиной жизнедеятельности, задают направление развития, объединяя для этого различные по природе силы.

Повышенный интерес к вопросу изучения ценностей со стороны различных наук определяется существованием ряда современных и актуальных проблем. К их числу можно отнести кризис ценностной системы, утрату прежних целей и смыслов, поиски национальной идеи, развитие нигилистических настроений (в частности широко распространенный сейчас правовой нигилизм) и др. На протяжении своей истории Россия уже не раз сталкивалась с такими проблемами. Причины этого усматриваются в изменении ценностей общества, поэтому рассмотрение динамики ценностных ориентаций переходных периодов и позиционирование их в качестве предмета изучения может помочь глубже понять современную ситуацию.

М. Блок определял историю как «науку о людях во времени», ставя как предмет ее изучения людей и развивающееся общество. Развитие общества находится в неразрывной связи с осуществлением

человеческих взаимоотношений. Общение, взаимодействие, взаимоотношения — это всегда осознанное или нет взаимное влияние друг на друга, в результате чего ценностные установки людей преобразуются⁴. Перемены любого рода, происходящие в течение некоторого времени в социальных группах в их взаимоотношениях друг с другом, называются социальными изменениями.

В истории нашей страны известен не один период, когда происходили существенные социальные изменения и трансформации, такие периоды называют революциями, радикальными реформами, переходными периодами, модернизациями. Практически все виды социальных трансформаций сопровождаются трансформациями ценностей, которые влияют на все прочие сферы и систему в целом⁵. Ввиду существующей в настоящее время тенденции перехода от монокаузальности к многофакторности следует в число причин изменений в материальной и духовной сферах включить еще одну — ценностную.

Любая причинная сила обнаруживает своей основой человеческую деятельность. Многими исследователями (в том числе исторического направления) поддерживается идея, что фундаментом для принятия решения и осуществления деятельности являются ценности (Д.В. Загоскин, И.В. Фролов, Л.Б. Эрштейн и др.)⁶. Ценности находят свое отражение во внешнем мире в виде некоторых взаимоотношений с «ценным» объектом, т.е. взаимодействие человека с внешним миром регламентируется его ценностной системой. С другой стороны ценности есть выражение внутреннего мира человека и являются его концентрированным и формализованным состоянием, выражают его человеческую определенность⁷. Таким образом,

⁴ Рассадина Т.А. Механизмы процесса трансформации традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 54.

⁵ Там же. С. 51-52.

⁶ Загоскин Д.В. Историческое сознание как исторический фактор (к вопросу о роли и месте феноменов сознания в исторических изменениях) // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 54; Фролов И.В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2. С. 136; Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

⁷ Фролов И.В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2. С. 135.

рассматривая человеческую деятельность, можно позиционировать ценности не только как причины этой деятельности, но и как часть ее истоков.

Для понимания сущности любого события или явления очень важно проникнуть в его истоки. Важность изучения данного понятия в контексте истории объяснял М. Блок, определяя истоки как «начало, являющееся объяснением» и даже более — «достаточное для объяснения»⁸. Истоки дают полное и достаточное для объяснения представление о рассматриваемом процессе. Таким образом, истоки можно определять как систему из нескольких факторов, одним из которых будут являться ценности.

Поскольку в процессе взаимоотношений происходит как осознанное, так и неосознанное взаимное влияние, следовательно, трансформация ценностей — процесс естественный и постоянный. Различают процесс трансформации в стабильные и кризисные периоды. Трансформация в стабильные периоды происходит преимущественно линейно, является детерминированным объектом управления, подвержена социальному контролю и коррекции отклонений. В нестабильные (кризисные) периоды процесс трансформации нелинейный, сопровождается кризисом идентичности и явлениями аномии (нарушением ценностно-нормативной системы общества⁹). Состав изменяющихся ценностей в стабильные и кризисные периоды является важным аспектом процессов трансформации, который тесно связан с вопросом классификации ценностей.

В терминах Л.Б. Эрштейна возможна классификация ценностей двух видов: внутренняя и внешняя¹⁰. Внешняя позволяет разделить ценности по жизненным сферам и конкретизировать область охвата (социальные, политические, нравственные). Рассматривая динамику определенной группы ценностей, несомненно, необходимо обратиться к этой классификации, чтобы осуществить разделение ценностных ориентаций одного типа от другого. Внутренняя классификация определяет разные уровни ценностей на основе их зна-

чимости. Верхний уровень — ценности высших порядков для человека (оказывают значительное влияние на его деятельность, являются основополагающими устоями жизни, их количество минимально). Существует устоявшееся понятие «высшие ценности» (по умолчанию под ними понимают ценности духовные), которое подразумевает тождественность самому верхнему уровню в классификации. В действительности это может быть не так, и на самом верхнем уровне иерархии могут находиться ценности другого уровня. Нижний уровень иерархической структуры составляют ценности низших порядков (оказывают очень незначительное влияние на деятельность человека, таких ценностей большинство). Между верхним и нижним уровнями находятся ценности, занимающие промежуточное положение. Для изучения деятельности человека важными будут являться несколько самых значимых верхних уровней, поскольку нижние уровни, как уже говорилось, не будут определять деятельность и не будут в ней проявляться.

В кризисные периоды трансформация происходит в виде разрушения старой системы ценностей, разрушения основополагающих устоев жизни¹¹. Именно потому такие периоды и носят название «кризисных», поскольку происходит изменение верхних, самых важных уровней. В стабильные периоды трансформация происходит постепенно и затрагивает малое число ценностей. Процесс изменения значимых ценностей так же происходит, но в основном связан с освоением предлагаемой системы ценностей (взаимным влиянием микро-, мезо- и макросубъективных уровней)¹². Кризисная ситуация наоборот, ставит человека в состояние кардинального выбора, где он и проявляет все свои задатки. Крупные кризисы заставляют человека обращаться к более значимым ценностям. Достаточно ярко, на наш взгляд, духовные искания в лихую революционную эпоху отразил С.Л. Франк, писавший: «Наша душа обнищала и изголодалась. Потеря веры — не легкое дело, низвержение кумиров, которым мы и наши отцы поклонялись так долго и страстно, — не детская забава. Вероятно, так же жутко, пустынно и тоскливо было нашим предкам, древним славянам, когда низвергался в Днепр Перун вместе с остальными

⁸ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 20.

⁹ Рассадина Т.А. Механизмы процесса трансформации традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 54-57.

¹⁰ Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

¹¹ Рассадина Т.А. Механизмы процесса трансформации традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 56.

¹² Там же. С. 55.

идолами... Отречение от кумиров не есть наглое предательство, не есть отказ от веры и впадение в буйство нечестия: оно есть признак смены вер, и если новая вера еще не найдена, то падение старой само уже есть признак страстного ее искания, мучительного томления по ней»¹³. В данном случае высшей духовной ценностью представляется вера, без которой немислимо адекватное существование человеческого общества.

Неслучайно идея прогресса человечества на протяжении длительного времени отождествляется именно с идеей его нравственного совершенствования и наоборот, идея регресса — с нравственным падением. О пагубности последнего обстоятельства для существования государства писали многие отечественные историки и философы в разные эпохи. Так, во второй половине XVIII в. М.М. Щербатов писал: «... человек, предавший себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе божий, а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадательн к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы?»¹⁴. Таким образом, нравственное состояние самого человека напрямую связывается с благом государства и прочностью его устройства. В первой половине XIX в. П.Я. Чаадаев, внук М.М. Щербатова, в качестве «урока» истории признает «регресс, религиозно-нравственную деградацию человека». Под «нравственной деградацией» мы понимаем не деградацию нравственности как таковой. Истинный регресс заключается в отношении человека к нравственности и приверженности ей. Более точно, регресс происходит как изменение в системе ценностей человека, в изменении позиции нравственности в ценностной иерархии, в смещении ее со значимых позиций.

В соответствии с теорией цикличности истории начало цикла всегда отмечается высоким духовным подъемом, а оканчивается он глубоким нравственным разложением. В переходные же эпохи между циклами разрушаются традиции, изменяются представления вплоть до противоположного, происходит сильная деградация

нравственно-религиозной составляющей общественного сознания (мнение А.Б. Зубова). При этом волны возрождения в начале каждого нового цикла снижаются. Так, если в первых двух смутах (монгольское иго и смута 1598-1612 гг.) одной из их причин указывался внешний враг, то к 1917 г. эту роль исполнял сам народ. Это как очевидец подтверждает С.Л. Франк¹⁵, об этом же пишет А.Б. Зубов¹⁶ и другие. В этом и заключается смысл цикла (от греч. «круг») истории — повторение ситуации, пока «урок», о котором говорит философия истории России, не будет выучен, пока не будет понята суть нравственной ошибки¹⁷. Нравственность же сама по себе не может упасть, изменяется отношение человека к ней.

Таким образом, вопрос о духовных ценностях на протяжении достаточно длительного времени в отечественной истории является самым востребованным и обсуждаемым особенно тогда, когда страна находится на перепутье и играет решающую роль в выборе дальнейшего пути развития.

Факторы изменения ценностей

К середине XIX в. крепостное право представляло собой главное препятствие на пути развития капитализма в России. С его отменой в 1861 г. начинают складываться новые общественные отношения, меняются принципы поведения и деятельности, формируется новая психология. Страна переживает переход от традиционного типа общества к буржуазному. Отличительным признаком традиционного общества является принцип приобщения к ценностям, идеям, культуре предков и попытка их освоения. В буржуазном обществе (или любом другом не традиционном, в том числе и современном), напротив, на первое место выходит стремление утвердить свое отличие от предыдущего поколения¹⁸. В процессе этой транс-

¹³ Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 ноября 2011).

¹⁴ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России [Электронный ресурс] / М.М. Щербатов. – Режим доступа: <http://his95.narod.ru/doc00/nrav.htm> (10 ноября 2011).

¹⁵ Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 ноября 2011).

¹⁶ Зубов А.Б. Циклы русской истории // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 161-166.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Каган М.С. Проблема поколения в истории культуры // Избранные труды в VII томах. Т. III: Труды по проблемам теории культуры. СПб: Петрополис, 2007. С. 650-651; Келле В.Ж. Время в культуре и проблема преемственности // Судьба европейского проекта времени. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 525-526.

формации, ввиду нарождавшихся требований новой культуры, возникает проблема поколения не характерная для традиционного типа. Суть этой проблемы заключается в «некоммуникабельности», отсутствии связи между поколениями и, в конце концов, их конфронтации¹⁹. И.С. Тургенев весьма точно дал определение витавшим в умах идеям того времени, назвав свой роман «Отцы и дети».

Общественный подъем второй половины XIX в. объясняется надеждами на удачное окончание Крымской войны. Однако после поражений и неудач причиной этого подъема стало недовольство народа и общества²⁰. В условиях модернизации, многообразия общественных мнений, усиления недовольства возрастает конфликтность в различных формах. Например, количество крестьянских выступлений в 1861 г. было в 2 раза больше, чем за 1856-1860 гг.²¹ По сути, все эти столкновения и противоречия заключается в одном — в конфликте ценностей²².

Таким образом, состояние общества начала рассматриваемого периода можно характеризовать как конфликт поколений 1860-1880-х гг., который представляет собой не только конфликт ценностей, но и проблему их преемственности (передачи).

Прерывание преемственности ценностей приводит к расшатыванию и снижению стабильности государственного устройства, а в 1917 г. — к ее полному разрушению. Стабильность подразумевает под собой устойчивость и упорядоченность в функционировании различных частей государственной структуры, ключевым элементом которой является общественная составляющая. Быстрые переходы из одного состояния в другое, наличие культурных, идеологических или социально-экономических «расколов» в обществе являются основой нестабильности²³. Устойчивость традиционного общества опирается на преемственность, поэтому прерывание этой

связи напрямую отражается на стабильности государства²⁴.

Стоит отметить, что в начале 1860-х гг. центральное место в мировоззрении еще занимала идея служения народу, а народниками по утверждению С.Л. Франка были все — и умеренные либералы, и социалисты-народники, и марксисты, теоретически боровшиеся с народничеством²⁵. Однако, как показали события 1917 г., итог столь ожидаемой революции оказался совершенно неожиданным²⁶. Старые идеалы и ценностные представления были окончательно разрушены и на их место возведены новые. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что ценностные представления не могут в одночасье поменяться, представляется уместным говорить об изменении ценностей в период 1860-1917 гг. В вопросе изменения ценностных установок нас интересует два момента: первый — факторы, под влиянием которых происходили изменения; второй — каким образом можно проводить диагностирование ценностей и их изменений.

Сибирь, являясь окраиной России, переживала со страной все ее изменения, однако со своими региональными особенностями. Например, отмена крепостного права проходила здесь иначе, чем в европейской России. Суровые природные условия, удаленность от центров просвещения и цивилизации, продолжительная ссылка неугодных государству, переселения из центральных губерний, вольность взглядов и образа жизни и, как следствие, легкость в восприятии нововведений формировали, по мнению Н.М. Ядринцева, новый тип цивилизованного человека²⁷, отличного от европейского. Однако это не означает, что сибирский регион полностью отличался от центрального.

²⁴ Келле В.Ж. Время в культуре и проблема преемственности // Судьба европейского проекта времени. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 525.

²⁵ Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. — Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 ноября 2011).

²⁶ Волошина В.Ю. П. А. Сорокин о морально-правовой деградации общества в условиях социальных конфликтов // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 99; Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. — Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 ноября 2011).

²⁷ Логвинова А.Н. М. Ядринцев об особенностях сибирского характера // Аграрная история Сибири: традиции и модернизация: материалы науч.-практ. студ. конф. Иркутск, 2006. С. 109.

¹⁹ Каган М.С. Проблема поколения в истории культуры // Избранные труды: в VII-х т. Т. III: Труды по проблемам теории культуры. СПб: Петрополис, 2007. С. 651.

²⁰ Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. С. 264.

²¹ Там же. С. 314.

²² Ахиезер А.С. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994. С. 18.

²³ Логинов А.В. Стабильность политической системы и факторы, ее определяющие // Гуманитарий. 2008. № 7. С. 51.

Общие для всей страны тенденции перехода от традиционного общества к буржуазному, нарастание революционных настроений, политических изменений и т.д. распространялись так же и на Сибирь. В качестве одной из причин этого можно указать постоянное пополнение населения региона за счет ссыльных и переселенцев. Так, по мнению С.В. Евдокимовой состав политической ссылки отражал основные изменения в освободительном движении России²⁸.

Итак, можно сказать, что причины и факторы изменения ценностей в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. были как общероссийские, так и характерные для региона. Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование и изменение ценностей, выделяют три основных — влияние предков (традиции), семейное воспитание, окружающая среда²⁹. Учитывая тот факт, что в середине XIX в. начинается разрушение ценностной преемственности поколений, степень влияния первого фактора снижается и возрастает роль двух других. Фактор окружающей среды для восточно-сибирского региона на рубеже веков под собой объединял три других — образование, круг общения и средства массовой информации.

Семья в жизни человека является первым источником для формирования его системы ценностей. В семье он получает первые знания о мире и обществе, в котором живет. Вместе с этими знаниями перенимается и отношение старших к различным явлениям и событиям. Таким образом, механизм преемственности между поколениями начинает работать с самого детства. Конечно, в условиях некоторых ситуаций, таких как, например, война, революция или просто суровые природные условия, прежнее поколение «отцов» может исчезнуть и поколение «детей» будет вынуждено восполнять утерянную связь в другом месте. По мере взросления система ценностей претерпевает изменения, связанные не только с освоением «родительских» ценностей с течением времени, но и с появлением и влиянием новых факторов.

Один из таких факторов — получение образования, в процессе которого ученик перенимает от учителя знания, а вместе с ними и его мнение, взгляды

и ценностное отношение. Важность образования как механизма формирования и изменения ценностей можно определить несколькими моментами.

Во-первых, человек наиболее подвержен стороннему влиянию именно в школьном или студенческом возрасте. В этот период заметно расширяется круг общения, возрастает число контактов, происходит формирование будущего мировоззрения, ценностей и нравственных установок взрослого человека³⁰. Наибольшее влияние в этом возрасте на формирование системы ценностных взглядов уже оказывает не семья, а «посторонние» люди — друзья, сверстники, учителя. Результаты такого влияния отражаются, например, в стачечном движении учащихся конца XIX — начала XX вв.³¹

Во-вторых, востребованность образовательных услуг в Сибири второй половины XIX в. Для модернизации страны и развития промышленности требовались квалифицированные кадры, это в свою очередь повышало значимость и востребованность образования. Кроме этого в сознании местной интеллигенции просветительство занимало приоритетное место в общей системе их воззрений и представлялось им выходом из ситуации экономического и культурного кризиса региона³². На рубеже веков училищная сеть была представлена разнообразными заведениями, как официальными, так и неофициальными. Следует отметить, что существовали определенные отличия в целях образования, которые ставили государство, церковь, общество³³ и сами учителя³⁴.

³⁰ Ефименко Е.А. Студенческий возраст как наиболее сензитивный период формирования духовных ценностей будущей профессиональной деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (88). С. 187.

³¹ Плотников А.Е. Учащиеся Сибири в общественном движении в первой Российской революции // История общественных движений и политических партий России: материалы респ. науч. конф. Томск, 1992. С. 38.

³² Горелова Ю.Р. Проблема просвещения народа в умонастроениях провинциальной интеллигенции конца XIX — начала XX в. (на примере воззрений томской профессуры) // От краеведения к культурологии: Рос. институту культурологии — 70 лет. М., 2002. С. 268, 264.

³³ Зверева К.Е., Зверев В.А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861-1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 98.

³⁴ Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ,

²⁸ Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ, 1997. С. 20.

²⁹ Кибизова Э.Э. Этносоциальные ценности поколений (проблема преемственности). СПб: Изд-во СПГУТД, 2003. С. 47.

К группе неофициальной училищной сети относились так называемые «домовые» или «вольные» школы. В период с 1861 г. и вплоть до начала XX в. в сельской местности доля грамотных, получивших образование в таких школах, составляла почти 50%³⁵. При этом учителями в этих школах выступали грамотные родители, родственники, старообрядческие наставники и наемные учителя. Последняя группа большей частью состояла из ссыльнопоселенцев, особенно это было характерно для Восточной Сибири³⁶. Естественно, что говорить о какой-либо единой цели или программе воспитания в таких школах не приходится.

Группа официальных школ была представлена школами духовного ведомства, Министерства Народного Просвещения, военного ведомства и других министерств. К концу XIX в. доля официальных образовательных учреждений постепенно возрастает, «вольные» школы переходят в ведомство администрации и церкви. Однако при всем разнообразии учебных заведений запросы общества превышали возможности и желание государства.

Отдельно стоит упомянуть церковно-приходские школы, через которые государство проводило политику воспитания благонадежных граждан. В 1881 г. император Александр II Освободитель погиб от рук освобожденного им народа. Это событие заставило правительство Александра III «не только принять усиленные меры для охраны самодержавия, но и позаботиться о повышении роли нравственного воздействия на подрастающее поколение»³⁷. В подобной ситуации очень большая роль отводилась церкви. С подачи обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева в 1884 г. были приняты и обнародованы «Правила о церковно-приходских школах», согласно которым именно церкви стала принадлежать доминирующая роль в народном образовании и просвещении. Главная задача церковно-при-

ходских школ состояла в «оздоровлении народа» через религиозно-нравственное воспитание, развитию же народного просвещения отводилась второстепенная роль.

Некоторые авторы, говоря в целом о церковно-приходских школах и религиозно-нравственном образовании, приводят утверждения о заметном положительном влиянии на жизнь учащихся в плане их воспитанности, учтивости, сдержанности и т.д.³⁸ С другой стороны, выпускников подстерегал рецидив безграмотности и моральная деградация в общей массе невежественного крестьянства. Через несколько лет после окончания школы они утрачивали многие приобретенные в процессе обучения навыки, кроме самых необходимых — чтения и письма³⁹. Следовательно, церковно-приходская школа, с одной стороны, успешно выполняла функции светского воспитания и образования, с другой — задача воспитания в духе преданности Богу, Царю и Отечеству если и выполнялась, то ее результаты терялись на общем фоне.

Таким образом, церковно-приходская школа ведомства православного исповедания в конце XIX — начале XX в. реализовывали поставленную перед ними задачу образовательного и воспитательного характера. Тем не менее с ней они не только не справились, но и порой действовали в противоположном направлении. Результаты их деятельности растворялись в общей массе революционных настроений, захлестнувших страну в 1910-е гг.

Другим фактором трансформации ценностей выступает круг общения. Население Сибири было разнородно по своему составу, сюда входили политические и уголовные ссыльные, старообрядцы, переселенцы, инородцы. Каждая из этих групп оказывала определенное влияние на другие.

Восточная Сибирь являлась основным местом ссылки политических и уголовных преступников. С 60-х гг. начинается приток ссыльных, к 1881 г. их число составляет 430 человек, а суммарно в пореформенный период ежегодно в Восточную Сибирь ссылается по 18-20 тысяч ссыльных⁴⁰.

1997. С. 25; Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. С. 136.

³⁵ Зверева К.Е., Зверев В.А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861-1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 94.

³⁶ Там же. С. 93.

³⁷ Басалаев А.Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884-1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2000. С. 209.

³⁸ Наумова Н.Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884-1917 гг. (на материалах Иркутской и Енисейской епархий): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. С. 238; Басалаев А.Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884-1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2000. С. 214.

³⁹ Наумова Н.Н. Указ. соч.

⁴⁰ Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природ-

Политические ссыльные оказывали воздействие на население через культурно-просветительскую и общественную деятельность. Они были учителями, юристами, врачами, корреспондентами, научными сотрудниками и т.д.⁴¹. Как утверждает С.В. Евдокимова, результатом распространения политическими вольнолюбивых идей и духа протеста являлись открытые выступления⁴². Последствия же уголовной ссылки, по мнению М.В. Шиловского, выражались в рецидивной преступности и девиантном поведении у крестьян⁴³.

Переселенческое движение было одним из основных и самым многочисленным источником увеличения населения Сибири. В ходе этого процесса население разделялось на две части — старожилов и новоселов. Новоселы привозили с собой свои устои, обычаи и быт. В процессе постепенной адаптации к сибирскому образу жизни они переходили в категорию местных и не без гордости называли себя «сибиряками»⁴⁴. По мнению Л.Б. Ус переселения не смогли изменить основные черты менталитета крестьянства, но повлияли на иерархию ценностей⁴⁵.

В ходе увеличения количества переселенцев и занятия земель коренных народов возникает вопрос взаимодействия с инородцами. Несомненно, имело место положительное влияние русской культуры на инородцев, однако под напором поселенцев ответная реакция сводится к стремлению инородцев сохранить свои кочевые угодья (это выражалось в форме грабежей и вооруженных выступлений), что являлось одной из главных причин возвращающихся обратно переселенцев⁴⁶.

ное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ, 1997. С. 18-20.

⁴¹ Адаменко С.В. Виды деятельности политических ссыльных XIX века в Сибири // Сборник научных работ Корпорации мыслящих людей. Кемерово, 1996. С. 18-24.

⁴² Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ, 1997. С. 26-27.

⁴³ Шиловский М.В. Специфика политического поведения крестьян и городских обывателей Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск, 2004. С. 159.

⁴⁴ Там же. С. 162.

⁴⁵ Ус Л.Б. Проблема влияния переселений на изменение ментальности крестьянства // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII-XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 94-95.

⁴⁶ Шиловский М.В. Специфика политического поведения

Еще одним фактором влияния на ценности являются средства массовой информации. На рубеже XIX-XX вв. радиосвязь только начинает использоваться вне лабораторных условий, поэтому в условиях нарастания революционных настроений ведущее место в формировании идеологии занимали массовые печатные издания⁴⁷. На газетных страницах размещались сообщения государственной и местной администрации, сообщения различных обществ, телеграммы, письма, объявления и т.д. По мнению Н.П. Курускановой участие России в войне, события 1905-1907 гг., появление многопартийной системы, становление российского конституционализма — все это стимулировало читательскую активность сибиряков⁴⁸. Корреспондентами в газетах выступали учителя⁴⁹, члены географических обществ, ссыльные⁵⁰ и т.д. Периодическая печать играла первостепенную роль в формировании общественного мнения и являлась орудием в борьбе общественных и политических сил⁵¹.

Таким образом, семейное воспитание, образование, круг общения и средства массовой информации (печатные издания) являются факторами, которые оказывали большое влияние не только на социально-политическую и экономическую жизнь местного населения, но и имели значительное влияние на систему его ценностных взглядов. Для определения степени влияния этих факторов необходим метод, с по-

крестьян и городских обывателей Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск, 2004. С. 164.

⁴⁷ Курусканова Н.П. Общественное сознание сибиряков в период первой российской революции и нелегальная печать местных организаций РСДРП и ПСР // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 241.

⁴⁸ Там же. С. 241.

⁴⁹ Акулич О.А. Образ сельского учителя в Сибири конца XIX – начала XX веков // Традиции Сибирской интеллигенции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1999. С. 62.

⁵⁰ Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ, 1997. С. 24-25.

⁵¹ Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. С. 322; Худяков В.Н. «Отцы и дети»: конфликт поколений в среде русских интеллектуалов второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 112-113.

мощью которого можно проводить диагностирование системы ценностей.

Диагностика ценностей

Авторы работ по исследованию ценностей в Сибири используют разные методы их выявления. Так, например, ценности сельских учителей в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. реконструировались по анкетному обследованию начальных школ Российской империи⁵², а ценности западно-сибирской предпринимательской культуры — по материалам из фактов биографий и деловой карьеры предпринимателей⁵³. Однако таким подходам к реконструкции ценностных ориентаций присущи некоторые недостатки.

Для диагностирования ценностей известно две методики — методика целенаправленных воздействий и регистрации их последствий и тестовая методика⁵⁴. Тестовая методика основывается на применении тестов-опросников, предлагая испытуемому ответить на ряд вопросов. К преимуществам данного метода относят оперативность, формализованность, переносимость, универсальность, к недостаткам — диагностирование одинакового заданного набора для всех людей, достоверность диагностирования, зависимость от психофизического состояния испытуемого, необходимость специальных условий.

Соглашаясь с Л.Б. Эрштейном и С.В. Яковлевым относительно сомнений в объективности диагностирования ценностей тестовыми методиками⁵⁵, следует добавить, что применимость данного метода применительно к историческому исследованию ограничена. Во-первых, отсутствует сама возможность проведения тестов.

⁵² Оглезнева Г.В. Ценностные ориентации сельских учителей Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: II Всерос. науч. чтения. Кемерово, 2002. С. 10.

⁵³ Беспалова Ю.М. Предпринимательство и его ценности (на материалах Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2000. С. 109.

⁵⁴ Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

⁵⁵ Там же. Яковлев С.В. Методологические подходы к разработке средств объективной диагностики состояния системы ценностей личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 299.

Во-вторых, доступны лишь результаты уже проведенных опросов, при этом они не являются специализированными для диагностирования ценностей. В процессе интерпретации результатов могут возникнуть лишние погрешности, что требует привлечения дополнительных материалов. М.В. Шиловский убедительно показал это, рассматривая мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей⁵⁶. В-третьих, необходима периодичность проведения опроса и несменяемость респондентов для подтверждения истинности ответов⁵⁷. Выполнение этого условия представляется весьма затруднительным. Таким образом, объективность результатов и эффективность применения тестовых методик и материалов анкетных обследований находится под сомнением, что, однако, не уменьшает историческую ценность последних как фактического материала.

Использование биографического материала так же сопряжено с некоторыми сложностями — дополнительные погрешности при интерпретации, достоверность фактов, полнота материала. Также следует отметить возможную полярность такого метода при исследовании биографий выдающихся представителей своего времени.

С нашей точки зрения представляется уместным использовать для определения ценностей методику «целенаправленного воздействия»⁵⁸. Согласно тому, что ценности существуют в их проявлении, диагностирование осуществляется при создании напряженной ситуации и регистрации реакции на раздражитель. По степени напряженности ситуации и реакции (был ли отказ от своих утверждений) можно судить об уровне ценности декларируемых установок. Создание такой напряженной ситуации или продолжительность наблюдения (в случае невозможности создания искусственных обстоятельств) считаются основными недостатками данного метода, в особенности для выявления ценностей высших порядков. Применение методики «целенаправленного воздействия» в исторической ретроспективе позволяет избавиться от этого недостатка — хронологиче-

⁵⁶ Шиловский М.В. Побудительные мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей // К истории предпринимательства в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 79–83.

⁵⁷ Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.

⁵⁸ Там же.

ские рамки наблюдения задаются исследователем, отсутствует необходимость моделирования конфликтных ситуаций. Также снимается вопрос относительно их непосредственного наблюдения и другие проблемы, в том числе нравственные. Так, например, М. Блок утверждает, что достоверно смоделировать такие ситуации «невозможно — да на это никто бы и не отважился, даже если б мог, — умышленно вызвать панику или взрыв религиозного энтузиазма»⁵⁹.

Таким образом, изучение общественного мнения Сибири XIX-XX веков (например, на биографических материалах или результатах анкетных обследований) позволит выявить декларируемые ценностные установки, а рассмотрение конфликтных ситуаций — попытаться определить их ценностный уровень и реконструировать иерархию ценностей того времени.

Большинство социальных конфликтов Восточной Сибири периода второй половины XIX — начала XX вв. происходили по причине разнородности социального состава населения. Постоянное пополнение местного населения за счет ссыльных и переселенцев также вносило свои коррективы, как в состав конфликтующих групп, так и в характер самих конфликтов. Так, К.В. Скобелев разделяет все социальные конфликты Сибири на несколько видов: переселенцев с переселенцами, новоселов со старожилами, русских с инородцами, сибиряков со ссыльными, православных со старообрядцами, переселенцев с властями⁶⁰. Причиной конфликта автор отмечает такую черту менталитета сибиряков как локальность, которая основывается на автохтонности⁶¹, т.е. принадлежность к определенной территории. К такого рода конфликтам относятся ситуации захватного землепользования, характерного для переселенцев Сибири, требования высокой платы или непредоставление приемных приговоров, отрезков «излишков» у инородцев и другое.

⁵⁹ Шиловский М.В. Побудительные мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей // К истории предпринимательства в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 34.

⁶⁰ Скобелев К.В. Социальные конфликты в Сибири во второй половине XIX — начале XX века (социально-психологический аспект) // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 199.

⁶¹ Там же. С. 204.

Как отмечает М.В. Шиловский, первоначально старожилы были заинтересованы в переселенцах, как в источнике дешевой рабочей силы⁶², но с течением времени отношение изменилось по причине ценностного столкновения. Л.Б. Ус приводит данные, которые указывают, что главная ценность крестьян — земля, а крестьянский идеал — «свободный труд на свободной земле»⁶³. Однако ситуация фронта и ограничение надела 15 десятинами приводят к эскалации противостояния между этими двумя группами⁶⁴. Это говорит о положении двух объектов интереса крестьян (дешевая рабочая сила и земля) друг относительно друга, а также о неверном формулировании крестьянского идеала. В более правильном варианте он должен звучать как «свободный труд на своей земле». Крестьяне всегда желали получить землю в свою собственность, это подтверждается многочисленными примерами захватнического землевладения, присваивания чужих владений и т.д.

К другому типу конфликтных ситуаций следует отнести такое явление как голод. По мнению В.Ю. Титова три главных события в развитии Восточной Сибири (отмена крепостного права, строительство Сибирской железнодорожной магистрали, русско-японская и Первая мировая войны) сопровождалась продовольственным кризисом, удорожанием продуктов и безработицей⁶⁵. Причиной этого явления, помимо самого неурожая, указывается наличие перекупщиков, нужда деревни в деньгах (следствие развития капиталистических отношений), а также произвол местной администрации в выплатах зарплат.

Еще одним типом конфликтов являются войны и революции. Непосредственно военные

⁶² Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг.). Ишим, 2006. С. 12.

⁶³ Ус Л.Б. Проблема влияния переселений на изменение ментальности крестьянства // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII-XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 94.

⁶⁴ Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг.). Ишим, 2006. С. 12.

⁶⁵ Титов В.Ю. Социальные протесты и преобразования общества в Восточной Сибири (1861-1917 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. № 2. С. 77.

действия на территории Восточной Сибири не проходили, но влияние на внутреннюю жизнь оказывалось значительное. Например, в русско-японской войне 1904-1905 гг. Сибирь являлась непосредственным тылом военных действий и воспринималась совершенно иначе, чем в европейской России. Так, М.В. Шиловский указывает количество призванных на эту войну — 49,5% трудоспособных мужчин для Иркутской губернии и 54,8% для Забайкальской области, 80% из которых были крестьянами⁶⁶. Уход на войну более половины трудоспособного мужского населения представляется весьма тяжелым испытанием для оставшихся. Подтверждением этому может служить тот факт, что для крестьянства того времени даже в условиях не военного положения было характерно использование детского труда в хозяйстве⁶⁷. Помимо этого были и другие последствия и влияния войны на регион — увеличение количества сирот, размещение сети лазаретов и госпиталей, обеспечение продовольственных поставок армии, ухудшение криминальной и криминогенной обстановки⁶⁸.

Явление революции в постановке вопроса влияния на ценности несколько отличается от явления войны. Нельзя не согласиться с П.А. Сорокиным в том, что войны и революции оказывают огромное влияние на поведение людей⁶⁹. Однако по нашему мнению эти явления являются не столько причиной изменений, сколько индикатором, который показывает ценностное отношение без сдерживающих факторов. В мирное время различные социальные и государственные институты регулируют поведение человека, а в условиях войны или революции они перестают существовать⁷⁰, и человеку

приходится действовать лишь в рамках своих ценностных представлений. Отличие же состоит в том, что революция не может случиться внезапно как война, она на протяжении определенного периода времени подготавливается. Поэтому в условиях войны следует говорить о ценностных установках, которые сформировались в повседневной жизни, а в условиях революции — о сформированных ценностях.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что процесс изменения ценностной палитры берет свое начало в проблеме поколения 1860-1880-х гг. (прерывание ценностной преемственности) и заканчивается к 1917 году коренным изменением сознания, становлением новой системы ценностных взглядов. На протяжении этого периода на систему ценностей оказывают влияние такие характерные для Восточной Сибири факторы, как семейное воспитание, образование, круг общения и средства массовой информации. Реконструировать и диагностировать ценности людей того времени можно опираясь на материалы, содержащие сведения об их поведении в конфликтных ситуациях.

В настоящее время вопрос ценностей, в том числе и нравственных, рассматривается не только учеными, но также и документами государственного масштаба. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, в числе прочего в разделе «Культура» декларирует, что для укрепления национальной безопасности в сфере культуры необходимо способствовать «сохранению и развитию духовных ценностей граждан», а решению задач национальной безопасности предполагается достигать за счет «сохранения культурно-нравственных ценностей»⁷¹. Поэтому изучение коренных изменений общественного сознания и ценностных установок, отголоски которых можно видеть в современности, имеет большое значение не только в научном плане, но и в смысле обеспечения задач государственной безопасности.

⁶⁶ Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 13.

⁶⁷ Зверева К.Е., Андришкевич Ю.В. Модели отношения сибирского крестьянства к школьному образованию в конце XIX – начале XX века // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 252.

⁶⁸ Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 15.

⁶⁹ Волошина В.Ю. П. А. Сорокин о морально-правовой деградации общества в условиях социальных конфликтов // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 100.

⁷⁰ Там же. С. 101.

⁷¹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. – Режим доступа: http://www.fstec.ru/_docs/doc_2_1_001.htm (10 ноября 2011).

Список литературы:

1. Адаменко С.В. Виды деятельности политических ссыльных XIX века в Сибири // Сборник научных работ Корпорации мыслящих людей. Кемерово, 1996. С. 18-24.
2. Акулич О.А. Образ сельского учителя в Сибири конца XIX — начала XX веков // Традиции Сибирской интеллигенции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1999. С. 61-62.
3. Ахиезер А.С. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994. 248 с.
4. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 256 с.
5. Басалаев А.Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884 — 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2000. 232 с.
6. Беспалова Ю.М. Предпринимательство и его ценности (на материалах Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2000. С. 103-111.
7. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 178 с.
8. Волошина В.Ю. П. А. Сорокин о морально-правовой деградации общества в условиях социальных конфликтов // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 99-104.
9. Горелова Ю.Р. Проблема просвещения народа в умонастроениях провинциальной интеллигенции конца XIX — начала XX в. (на примере воззрений томской профессуры) // От краеведения к культурологии: Рос. институту культурологии — 70 лет. М., 2002. С. 259-268.
10. Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
11. Евдокимова С.В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60-90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ, 1997. С. 17-29.
12. Ефименко Е.А. Студенческий возраст как наиболее сензитивный период формирования духовных ценностей будущей профессиональной деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (88). С. 186-188.
13. Загоскин Д.В. Историческое сознание как исторический фактор (к вопросу о роли и месте феноменов сознания в исторических изменениях) // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 51-56.
14. Зверева К.Е., Андриюшкевич Ю.В. Модели отношения сибирского крестьянства к школьному образованию в конце XIX — начале XX века // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 250-254.
15. Зверева К.Е., Зверев В.А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861-1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 85-104.
16. Зубов А.Б. Циклы русской истории // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 161-166.
17. Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
18. Каган М.С. Проблема поколения в истории культуры // Избранные труды в VII томах. Т. III: Труды по проблемам теории культуры. СПб: Петрополис, 2007. С. 650-652.
19. Келле В.Ж. Время в культуре и проблема преемственности // Судьба европейского проекта времени. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 520-533.
20. Кибизова Э.Э. Этносоциальные ценности поколений (проблема преемственности). СПб: Изд-во СПГУТД, 2003. 146 с.
21. Курусканова Н.П. Общественное сознание сибиряков в период первой российской революции и нелегальная печать местных организаций РСДРП и ПСР // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 240-244.
22. Логвинова А.Н. М. Ядринцев об особенностях сибирского характера // Аграрная история Сибири: традиции и модернизация: материалы науч.-практ. студ. конф. Иркутск, 2006. С. 108-110.
23. Логинов А.В. Стабильность политической системы и факторы, ее определяющие // Гуманитарий. 2008. № 7. С. 50-55.

24. Наумова Н.Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884-1917 гг. (на материалах Иркутской и Енисейской епархий): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 287 с.
25. Оглезнева Г.В. Ценностные ориентации сельских учителей Восточной Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: II Всерос. науч. чтения. Кемерово, 2002. С. 9-12.
26. Плотников А.Е. Учащиеся Сибири в общественном движении в первой Российской революции // История общественных движений и политических партий России: материалы респ. науч. конф. Томск, 1992. С. 37-41.
27. Рассадина Т.А. Механизмы процесса трансформации традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 50-64.
28. Скобелев К.В. Социальные конфликты в Сибири во второй половине XIX — начале XX века (социально-психологический аспект). // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 199-211.
29. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. — Режим доступа: http://www.fstec.ru/_docs/doc_2_1_001.htm (10 ноября 2011).
30. Титов В.Ю. Социальные протесты и преобразования общества в Восточной Сибири (1861-1917 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. № 2. С. 75-79.
31. Ус Л.Б. Проблема влияния переселений на изменение ментальности крестьянства // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII-XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 92-95.
32. Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. — Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 ноября 2011).
33. Фролов И.В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2. С. 133-137.
34. Худяков В.Н. «Отцы и дети»: конфликт поколений в среде русских интеллектуалов второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Социальные конфликты в истории России: материалы II всерос. науч. конф. Омск: Омский гос. пед. университет, 2006. С. 110-117.
35. Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12-16.
36. Шиловский М.В. Побудительные мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей // К истории предпринимательства в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 79-83.
37. Шиловский М.В. Специфика политического поведения крестьян и городских обывателей Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск, 2004. С. 158-185.
38. Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг.). Ишим, 2006. С. 11-17.
39. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 244 С.
40. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России [Электронный ресурс] / М.М. Щербаков. — Режим доступа: <http://his95.narod.ru/doc00/nrav.htm> (10 ноября 2011).
41. Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб, 2008. 122 с.
42. Яковлев С.В. Методологические подходы к разработке средств объективной диагностики состояния системы ценностей личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 297-306.

References (transliteration):

1. Adamenko S.V. Vidy deyatel'nosti politicheskikh ssyl'nykh XIX veka v Sibiri // Sbornik nauchnykh rabot Korporatsii myslyashchikh lyudey. Kemerovo, 1996. S. 18-24.

2. Akulich O.A. *Obraz sel'skogo uchitelya v Sibiri kontsa XIX — nachala XX vekov* // Traditsii Sibirskoy intelligentsii: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 1999. S. 61-62.
3. Akhiezer A.S. i dr. *Modernizatsiya v Rossii i konflikt tsennostey*. M.: IF RAN, 1994. 248 s.
4. Baeva L.V. *Tsennosti izmenyayushchegosya mira: ekzistentsial'naya aksiologiya istorii*. Astrakhan': Izd-vo AGU, 2004. 256 s.
5. Basalaev A.E. *Tserkovno-prikhodskie shkoly i shkoly gramoty Zabaykal'skoy oblasti (1884-1917 gg.)*: Dis. ... kand. ist. nauk. Chita, 2000. 232 s.
6. Bespalova Yu.M. *Predprinimatel'stvo i ego tsennosti (na materialakh Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.)* // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2000. S. 103-111.
7. Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika*. M.: Nauka, 1986. 178 s.
8. Voloshina V.Yu. P. A. *Sorokin o moral'no-pravovoy degradatsii obshchestva v usloviyakh sotsial'nykh konfliktov* // Sotsial'nye konflikty v istorii Rossii: materialy II vseros. nauch. konf. Omsk: Omskiy gos. ped. universitet, 2006. S. 99-104.
9. Gorelova Yu.R. *Problema prosveshcheniya naroda v umonastroeniyakh provintsial'noy intelligentsii kontsa XIX — nachala XX v. (na primere vozzreniy tomskoy professury)* // Ot kraevedeniya k kul'turologii: Ros. institutu kul'turologii — 70 let. M., 2002. S. 259-268.
10. Grosul V.Ya. *Russkoe obshchestvo XVIII-XIX vekov: Traditsii i novatsii*. M.: Nauka, 2003. 517 s.
11. Evdokimova S.V. *Politicheskaya ssylka v Zabaykal'e v 60-90-e gody XIX veka* // Istoricheskoe, kul'turnoe i prirodnoe nasledie (sostoyanie, problemy, translyatsii). Ulan-Ude, 1997. S. 17-29.
12. Efimenko E.A. *Studencheskiy vozrast kak naibolee senzitivnyy period formirovaniya dukhovnykh tsennostey budushchey professional'noy deyatel'nosti* // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008. № 12 (88). S. 186-188.
13. Zagoskin D.V. *Istoricheskoe soznanie kak istoricheskiy faktor (k voprosu o roli i meste fenomenov soznaniya v istoricheskikh izmeneniyakh)* // Problemy istorii i istoricheskogo poznaniya. Tomsk, 2001. S. 51-56.
14. Zvereva K.E., Andryushkevich Yu.V. *Modeli otnosheniya sibirskogo krest'yanstva k shkol'nomu obrazovaniyu v kontse XIX — nachale XX veka* // Sotsial'nye konflikty v istorii Rossii: materialy II vseros. nauch. konf. Omsk: Omskiy gos. ped. universitet, 2006. S. 250-254.
15. Zvereva K.E., Zverev V.A. *Vklad russkogo krest'yanstva v razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Sibiri (1861-1914 gg.)* // Kul'turnyy potentsial Sibiri v dosovetskiy period: mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, 1992. S. 85-104.
16. Zubov A.B. *Tsikly russkoy istorii* // Voprosy filosofii. 2005. № 3. S. 161-166.
17. Ivin A.A. *Aksiologiya*. M.: Vyssh. shk., 2006. 390 s.
18. Kagan M.S. *Problema pokoleniya v istorii kul'tury* // Izbrannye trudy v VII tomakh. T. III: Trudy po problemam teorii kul'tury. SPb: Petropolis, 2007. S. 650-652.
19. Kelle V.Zh. *Vremya v kul'ture i problema preemstvennosti* // Sud'ba evropeyskogo proekta vremeni. M.: Progress-Traditsiya, 2009. S. 520-533.
20. Kibizova E.E. *Etnosotsial'nye tsennosti pokoleniy (problema preemstvennosti)*. SPb: Izd-vo SPGUTD, 2003. 146 s.
21. Kuruskanova N.P. *Obshchestvennoe soznanie sibiryakov v period pervoy rossiyskoy revolyutsii i nelegal'naya pechat' mestnykh organizatsiy RSDRP i PSR* // Narod i vlast': istoricheskie istochniki i metody issledovaniya. M., 2004. S. 240-244.
22. Logvinova A. N. M. *Yadrintsev ob osobennostyakh sibirskogo kharaktera* // Agrarnaya istoriya Sibiri: traditsii i modernizatsiya: materialy nauch.-prakt. stud. konf. Irkutsk, 2006. S. 108-110.
23. Loginov A.V. *Stabil'nost' politicheskoy sistemy i faktory, ee opredelyayushchie* // Gumanitariy. 2008. № 7. S. 50-55.
24. Naumova N.N. *Tserkovno-prikhodskie shkoly i shkoly gramoty Vostochnoy Sibiri v 1884-1917 gg. (na materialakh Irkutskoy i Eniseyskoy eparkhiy)*: Dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2002. 287 s.
25. Oglezneva G.V. *Tsennostnye orientatsii sel'skikh uchiteley Vostochnoy Sibiri na rubezhe XIX-XX vv.* // Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii: II Vseros. nauch. chteniya. Kemerovo, 2002. S. 9-12.
26. Plotnikov A.E. *Uchashchiesya Sibiri v obshchestvennom dvizhenii v pervoy Rossiyskoy revolyutsii* // Istoriya obshchestvennykh dvizheniy i politicheskikh partiy Rossii: materialy resp. nauch. konf. Tomsk, 1992. S. 37-41.

27. Rassadina T.A. Mekhanizmy protsessa transformatsii traditsionnykh tsennostey // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2005. № 4. S. 50-64.
28. Skobelev K.V. Sotsial'nye konflikty v Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka (sotsial'no-psikhologicheskiy aspekt). // Sotsial'nye konflikty v istorii Rossii: materialy II vseros. nauch. konf. Omsk: Omskiy gos. ped. universitet, 2006. — S. 199-211.
29. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda. [Elektronnyy resurs] // Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537. — Rezhim dostupa: http://www.fstec.ru/_docs/doc_2_1_001.htm (10 noyabrya 2011).
30. Titov V.Yu. Sotsial'nye protesty i preobrazovaniya obshchestva v Vostochnoy Sibiri (1861-1917 gg.) // Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v kontse stoletiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2000. № 2. S. 75-79.
31. Us L.B. Problema vliyaniya pereseleniy na izmenenie mental'nosti krest'yanstva // Etnokul'turnye vzaimodeystviya v Sibiri (XVII-XX vv.). Novosibirsk, 2003. S. 92-95.
32. Frank S.L. Krushenie kumirov [Elektronnyy resurs] / S.L. Frank. — Rezhim dostupa: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html (10 noyabrya 2011).
33. Frolov I.V. Tsennostnyy podkhod v izuchenii istorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki. 2009. № 2. S. 133-137.
34. Khudyakov V.N. «Ottsy i deti»: konflikt pokoleniy v srede russkikh intellektualov vtoroy poloviny XIX veka (k postanovke problemy) // Sotsial'nye konflikty v istorii Rossii: materialy II vseros. nauch. konf. Omsk: Omskiy gos. ped. universitet, 2006 S. 110-117.
35. Shilovskiy M.V. Vliyanie russko-yaponskoy voyny 1904-1905 gg. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 2. S. 12-16.
36. Shilovskiy M.V. Pobuditel'nye motivy blagotvoritel'noy deyatel'nosti sibirskikh predprinimateley // K istorii predprinimatel'stva v Sibiri: materialy Vseros. nauch. konf. Novosibirsk, 1996. S. 79-83.
37. Shilovskiy M.V. Spetsifika politicheskogo povedeniya krest'yan i gorodskikh obyvateley Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. // Problemy mentaliteta v istorii i kul'ture Rossii. Novosibirsk, 2004. S. 158-185.
38. Shilovskiy M.V. Transformatsiya elementov obshchestvennogo soznaniya sibirskikh krest'yan vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. // Krest'yanstvo vostochnykh regionov Rossii i Kazakhstana v revolyutsiyakh i grazhdanskoy voyne (1905-1921 gg.). Ishim, 2006. S. 11-17.
39. Shcherbakov N.N. Vliyanie ssyl'nykh proletarskikh revolyutsionerov na kul'turnuyu zhizn' Sibiri. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1984. 244 S.
40. Shcherbatov M.M. O povrezhdenii нравов в России [Elektronnyy resurs] / M.M. Shcherbakov. — Rezhim dostupa: <http://his95.narod.ru/doc00/nrav.htm> (10 noyabrya 2011).
41. Ershteyn L.B. Zapretnaya teoriya tsennostey: psikhologicheskie i sotsiologicheskie sledstviya predstavleniya tsennostey kak dinamicheskikh zapretov. SPb, 2008. 122 s.
42. Yakovlev S.V. Metodologicheskie podkhody k razrabotke sredstv ob'ektivnoy diagnostiki sostoyaniya sistemy tsennostey lichnosti // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008. № 81. S. 297-306.